



Садиг Сардарович Мамедов родился в 1997 году в Иркутске. Окончил исторический факультет Иркутского государственного университета. Служит по контракту в Вооруженных Силах РФ. Принимал участие в боях за освобождение ЛНР, ДНР и Херсонской области. Публиковался в региональных литературно-художественных журналах и альманахах. Член отделения Совета молодых литераторов при Иркутской организации Союза писателей России. Живет в поселке Горном Иркутской области.

Садиг Мамедов

ЕЩЕ РАКИТНИК НЕ ПОРОС...

**«К БОГУ Я ОБРАЩАЮСЬ
В МОЛИТВАХ...»**

Вежливый, тихий. Таким он запомнился с той единственной нашей встречи осенью 2019-го в Иркутске на Днях русской духовности и культуры, затеянных еще Валентином Распутиным. После вечера в местном Доме литераторов он подошел ко мне, назвал по имени-отчеству, стеснительно попросил адрес электронной почты. И вскоре написал, прислал свои стихи, потом — рассказ. Ни то, ни другое, честно говоря, не произвело никакого впечатления. Но юноша был добрым, ясным, без обид принял пожелания — видит Бог, весьма бережные, щадящие — на самом деле, не отвечающие моменту. Он, вполне вероятно, понимал это, но в себя не уходил, не отчаивался, зла, надеюсь, на меня не затаивал. И спустя время снова оказывался на связи, что-то отправлял и так же внимательно, чутко вслушивался в каждое ответное слово. И я тоже запросто стал слать ему весточки, делился какими-то ссылками, интересными публикациями, понравившимися стихами. Он радостно откликался, благодарил. Однако ничего нового уже не предлагал, а в последнем письме посетовал на свою нескромность и вскользь упрекнул в том, что сам-то я свои сочинения с ним не обсуждаю. А потом и вовсе замолчал и года три, наверное, не подавал знаков, так что я уже по-

что забыл о нем. И как-то — как говорится в таких случаях — было мое удивление, когда в мае 2023-го я неожиданно встретил имя Садига Мамедова на страницах иркутской «Сибири»...

Это уже был поэт, которому, пожалуй, не нужны мои советы. Который не пришлет новых стихов в надежде услышать что-нибудь стоящее. Он уже состоялся без моего участия, ибо и без меня, без моей критики прошел огненные тигли, из которых вышло не одно поколение российских рифмотворцев от Дениса Давыдова и Михаила Лермонтова до Николая Гумилева и Бориса Слуцкого. Нет, он не вырос — вымахал за эти годы отсутствия и в смысле жизненного опыта стал, может быть, даже не вровень мне, а выше. Потому что в его судьбе уже было то, что стирает границы возраста и возводит к таким пределам осмысления действительности, которых не всякому достичь:

Знаешь, война — совершенно не весело.
Был ты, к примеру, здоровый пацан.
Вдруг вместо глаза — кровавое месиво:
Нету теперь половины лица.

Современным писателям, даже одаренным, не хватает одного — события. А без настоящего события нет подлинного чувства, нет сердечного участия и необходимой нежности и любви к тому, о чем или о ком пишешь. Да — нежности и любви. Или, как в этих стихах, — боли и горечи. Боли — потому что действительно больно. Горечи — потому что не от поэтических стрел, но от пуль и снарядов гибнут товарищи. И еще тут ранняя усталость. Она не от творческих семинаров и книжек — оттого, что хочется просто жить, посещая, кстати, эти самые семинары и читая эти самые книжки. А вместо этого нужно каждый день стрелять и окапываться, чтобы самому не схлопотать в ответку.

У Садига это событие есть. И есть все остальное. И он — талантлив, поэзия его по-мужски скупа на слова и не расточительна в чувствах. Он не учился в литературных институтах. Многие строчки его стихов оставляют ощущение природной нестесанности, сколь грубой, столь и естественной. Но ему приглаженности, глянца этого сияющего и не нужно. Должность сурового наставника и единственно справедливого судьи в случае с Садигом Мамедовым взяла на себя война. А у нее своя мера ценностей, свой аршин. И уж в этом начинающему поэту точно свезло. Иначе велика была бы вероятность так и остаться производителем мертвых бескровных стихшков и всю жизнь ошиваться в каком-нибудь Совете вечно молодых литераторов СП России, бесконечно колесить с одного писательского хурала на другой да читать со смартфона свои жалкие опысы...

Мы списались с ним, когда он после ранения оказался на лечении в поселке Ивановке Херсонской области и наконец-то появился в ватсапе. В душу ему я старался не лезть, лишних вопросов не задавал, да и сам он поначалу не касался главной темы, как будто ничего такого в его жизни не было. Говорили исключительно о литературе. К тому времени я посетил личную страничку Садига в интернете, прочел стихи, написанные и выложенные им с того момента, как прервалось наше общение. Назрели кое-какие мысли, замечания. Что-то требовало пояснений, а значит, рождало чувство досады, ибо ни в какой сопроводилровке поэтический текст не должен нуждаться, от этого он только теряет. Так, очень правдивое и эмоционально сильное стихотворение Садига, этакий натужно-страстный монолог человека на войне, ломала — все равно что о колено — предпоследняя строфа. В ней неожиданно возникал совершенно неуместный, с моей точки зрения, образ известного мультипликационного героя, которого я никак не мог соотнести с теми мрачными реалиями, что живописал автор:

Вовсе не праздничный брызгал салют.
«Фосфорный дождь!» — доносилось из ракет.
Выл истерически дрон-камикадзе.
Сунешься, спрячешься — всяко убьют.
Были, кто мне бы сгодились в отцы,
Были и юные, нежные лица.
В госпиталь кто-то отправлен лечиться,
Кто-то — в Россию, положенный в цинк.

И далее:

Мой обожаемый фрукт — апельсин.
Я — апельсин, только сморщенный, выжатый.
Долг перед Родиной выплачен! Где же ты,
Мой Чебурашка? Приди и спаси...

Зачем, для каких таких целей понадобился тут этот Чебурашка? Как он затесался в стихотворение о войне? Почему именно к нему, словно к высшей воле, обращен голос поэта?..

Эти и другие вопросы я задал Садигу, попеняв ему за техническую небрежность отдельных стихотворений и предложив замену. И первое, что выделило его, теперешнего, — решительная твердость позиций, которые он не собирался сдавать. Он уже не смотрел, открыв рот. Наоборот. Получив стихи с моими пометками, править что-либо на чужой лад запретил, все мои резоны отменил. Иные стихи, отобранные мною для печати, снисходительно осмеял, а вместе с ними осмеял мой выбор. От публикации в том виде, на каком настаивал я, отказался, помняв слова погибшего друга: «Какого вам армия выдала, таким и пользуйтесь!» И как-то очень уместно и просто предложил перейти на «ты».

Стихи я оставил в авторской редакции. Нашу небольшую беседу, предваряющую сегодняшнюю публикацию, записал. Предлагаю ее читателям.

— *В журнальной справке о тебе говорится, что ты — магистр кафедры Политологии, истории и регионоведения исторического факультета Иркутского государственного университета по профилю «Административное управление». Поэты, конечно, всякие бывают, но чтобы магистры кафедры политологии...*

— Я был вне доступа, когда готовился материал, впоследствии сам удивился, прочитав это о себе. Я вообще-то не заканчивал магистратуру. Поступил в нее, да. А потом решил: только и делаю, что учусь. Пора применять знания на практике. Но перед этим нужно отдать долг Родине. Магистратуру бросил и в армию ушел.

— *Ты ведь не срочником пошел, а по контракту. То есть не по призыву, а, так сказать, по зову сердца.*

— Отец с детства готовил меня к тому, что настанет момент, когда нужно будет отдать долг Родине. После учебы в ИГУ у меня появилась возможность заменить один год срочной службы двумя годами службы по контракту. Я ею воспользовался, чтобы закалить волю и добавить решительности в свой характер. Лучшим местом для этого я счел элитные подразделения российских вооруженных сил — ВДВ. Так я оказался в 31-ой отдельной гвардейской десантно-штурмовой бригаде (ныне — 328 полк 104 дивизии ВДВ), базирующейся в Ульяновске.

— *Там тебя встретила новость о начале СВО?*

— Не совсем. 11-го января 2022 года я начал службу в этой воинской части, попав в огневой взвод минометной батареи второго десантно-штурмового батальона. Уже через месяц, 14-го февраля, мое подразделение оказалось на белорусско-украинской границе. Командование готовило «Гостомельскую операцию», и 24-го февраля мы приступили к ее выполнению.

— Расскази об этом.

— В составе двухсот бойцов в транспортных вертолетах Ми-8 при поддержке боевых разведывательно-ударных вертолетов Ми-24 и Ка-52 десантировались на аэродром Антонов, расположенный возле Гостомеля. Планировалось, что через несколько часов после закрепления на объекте подъедет колонна военной техники с основными десантными силами. Но мосты на подъезде к аэродрому были подорваны противником, поэтому колонна приехала лишь на пять суток. Все это время сообщение с тылом было только с помощью вертолетов: боеприпасы, вода и сухпайки «прилетали», раненые и тела погибших «улетали». Тем не менее, аэродром был успешно удержан, а после прибытия основных сил начался штурм Гостомеля. В эти дни мы оказались ближе всего к сердцу врага — в восьми километрах от Киева. Вывод нашего подразделения с киевского направления был совершен 31-го марта. Так закончилась моя первая боевая задача...

— ...за которую ты был награжден медалью Жукова и получил звание ефрейтора.

— Все верно.

— Ты в свое время занял третье место в областном конкурсе поэтов...

— Да там ерундовый был конкурс, от областного — только название. Мне дали утешительный приз, чтобы подбодрить. Это было в 2019-ом. Я только писать начал. Влюбился и хотел таким образом добиться внимания девушки.

— Добился?

— Нет. Зато появилось новое окружение — сначала собрания в юношеской библиотеке имени Иосифа Уткина, потом знакомство с Максимом Живетьевым и Юрием Харлашкиным из литературного объединения «Азь-Арт». Макс и Юра очень помогли, были моими наставниками. Мы и сейчас обсуждаем свои новые произведения.

— А как ты пишешь в условиях боевых действий? У меня (наверное, как у многих, кто еще со школы полюбил великого Твардовского и вообще военную поэзию) сразу всплывает образ: землянка в три наката, сосна сгоревшая над ней, а рядом, где-нибудь в сторонке, под звуки разрывающихся снарядов сгорбленный солдатик что-то торопливо скребет на листочке замасленной бумаги изгрызенным карандашом... Я намеренно поэтизирую, конечно. Но это ведь все равно не про тебя?

— Это точно не про меня. А как удается писать... По-разному. Например, самое крайнее стихотворение начало складываться еще в мае прошлого года. Мы как раз переезжали со своего местоположения под городом Рубежное. Все собрали, закинули в «УРАЛ» и поехали. Я ехал в кузове. И вот смотрю наружу сквозь порванный тент. А там сосны — высохшие, желтые. И я понимаю, что в голову приходят строчки. А я к этому не готов, потому что совершенно не до того. Усталость такая, не столько физическая, сколько моральная... Она не дает сосредоточиться, подумать о чем-то другом. А мне надо, чтобы была полная тишина, чтобы никто не мешал, чтобы можно было потратить на стихотворение день, а то и два. Но в условиях войны так не получится. И вот я сочинил тогда лишь первое четверостишие:

Кузов «УРАЛа» — набитый трамвай.

Путь — отбывающий почки, несносный.

В прорезях тента — сгоревшие сосны

Желтыми иглами машут: «Бывай».

И все, и застопорилось на три месяца. Потому что в мае как раз началось контрнаступление украинцев, нас бросили на его отражение. Это север Бахмута —

первая задача. А еще Клещеева, Андреевка. То есть совсем не до стихов было. А стихотворение назрело. Оно почти готовое, оно ждет, когда я к нему вернусь. Получилось это только в сентябре, меня тогда по болезни направили в луганский госпиталь. И вот там, в нормальной обстановке, когда немного разгрузился эмоционально и пришел в себя, в беседке во дворе госпиталя написал все стихотворение целиком.

— *Стихотворение «Воздух» очень реалистичное, сюжетное. Похоже на кадры не кинохроники, но любительской видеосъемки... С ним какая история связана?*

— Да примерно такая же. Началась Гостомельская операция, мы залетели на аэродром, удерживали его пять дней. На шестой заехали в поселок городского типа Гостомель. И все это время элементарно есть, осмыслить, что с тобой происходит, не было никакой возможности. Ты постоянно в работе, в движении, либо стреляешь, либо готовишь боеприпасы. Либо роешь землю. А если и выдалась передышка — надо срочно поесть и приготовить более-менее сухое место, чтобы потом лечь спать. Все. И на следующий день то же самое. А ведь на твоих глазах раят товарищей, есть погибшие... Я себе сначала дал установку: не отдаваться эмоциям, ничего не анализировать, чтоб не раскиснуть. Для меня все это было тяжело, потому что я в принципе только-только попал в армию, а уже через месяц-полтора очутился в зоне боевых действий. А кругом все злые, все на нервах, всем страшно. Очень страшно. Бывало, в отдельных батальонах люди «пятисотились», то есть намеренно причиняли себе увечье, притворялись покалеченными. У нас тоже был такой человек. Подвернул ногу, доковывлял до вертолетной площадки, с которой увозили раненых и «двухсотых». А там не до того было, чтобы разбираться, насколько на самом деле опасное повреждение. И так он улетел...

— *Ты хотел рассказать, как написал первое, если я правильно понял, военное стихотворение.*

— Да. И вот мы вошли в Гостомель, там в одном домике довелось перекантоваться. Я наконец-то остался один в комнате. Помню, сел, впервые подумал о том, что случилось за эти дни. Представил, что испытывает теперь моя мать, как она по ночам встает и делает намаз, чтобы отмолить меня, мою жизнь... И вот тогда нахлынуло, реально слезы брызнули из глаз. И сами собой сложились заключительные строчки стихотворения, которое я написал с начала лишь впоследствии:

К бою расчет подрывается резко.

К бою! Наводчик наводит прицел...

Только б одну написать смску:

«Мама, я жив.

Я все еще цел».

— *Теперь, после твоего рассказа, я понимаю, почему ты стоишь насмерть за каждое слово... И все же я бы убрал Чебурашку из твоего в общем-то состоявшегося стихотворения, которое ты называешь крайним. Откуда вдруг эта мультяшность сознания? Этот Чебурашка, на мой взгляд, рассыпает все стихотворение, то есть, выражаясь языком военного времени, ведет скрытую подрывную деятельность. Потому что не знаешь, что с ним делать, как его истолковывать... Может, заменить чем-то более серьезным, веским?*

— Ты что! Это центральная фигура в стихотворении. Без нее можно все стихотворение перечеркнуть и выбросить в урну. И она нисколько не мультяшная. У нас, во-первых, много кто на фронте носит с собой эту игрушку. Носят футболки с таким рисунком, я даже брелок на сумку цеплял в виде Чебурашки. Как-то

незаметно персонаж любимого советского мультлика стал одним из символов СВО. Потом, мой Чебурашка на своем месте. Очень часто на передовой сидишь в окопе — и одна мысль в голове: «Когда все это закончится?» Реально хочется, чтобы случилось чудо, сверхъестественная сила взяла и переместила бы тебя куда подальше. Для меня такая сверхъестественная сила — Господь. Но в стихотворении я посчитал допустимым обратиться к Чебурашке. К Богу я обращаюсь в молитвах.

...После Гостомельской операции Сади́г Мамедов принимал участие еще в шести боевых задачах: удержание города Попасной (ЛНР), взятие стратегически важного района под названием «Сапог» на участке Кременная Краснолиманского направления (ЛНР), удержание северной части города Артемовска (ДНР), штурм Клещевки (ДНР), штурм Андреевки (ДНР) и штурм Крынок (Херсонская область). В Крынках получил осколочное ранение в ногу, от него-то сейчас и восстанавливается в госпитале. Потом очередной — долгожданный — отпуск в четырнадцать дней, зимний — или уже весенний, ранний — Иркутск, дом родителей в поселке Горном, встречи с друзьями. Потом...

А потом, вполне вероятно, может случиться так, что его телефон снова долго будет вне сети. Мы живем, радуемся, списываемся с кем хотим и когда хотим. А в это время не так чтобы далеко от нас связь с внешним миром осуществляется только по радиостанциям. Телефонами пользуются в тылу, а когда выезжают на передовую («на передок», как говорит Сади́г), в обязательном порядке вынимают сим-карту, сам телефон переводят в авиарежим, отключают вай-фай и геолокацию. Тяжелый украинский дрон — или, по-тамошнему, «баба Яга» — летит низко и, если уловит сигнал, подключается, сбрасывает «стодвадцатую» осколочно-фугасную мину.

В свои двадцать шесть Сади́г многое повидал, еще больше — пережил. А вот стихов написал самую малость. Произведений, достойных внимания, меньше, чем патронов в магазине АК. Можно сказать, свою обойму он заправил едва ли наполовину. Впрочем, сравнение не совсем удачное: из автоматов они, минометчики, практически не стреляют. «И слава Богу! — добавляет Сади́г. — Если артиллерист взял за личное оружие, считай, война проиграна...»

Действительно хороши у него, по моему мнению, три-четыре стихотворения. И это великое, бесценное множество, учитывая условия, в каких они родились.

Корявость, грамматическая неточность — словом, все то, с чем я из лучших побуждений стал бороться, пытаюсь повлиять на человека, который диалектику познал вот уж действительно «не по Гегелю», — пожалуй, всецело окупается более ценным признаком истинной поэзии. Я говорю о вещественной содержательности стихов, которым безоговорочно веришь. И уж тут не до жиру, не до орфоэпических норм, будь они неладны. Потому что есть беллетристика, и беллетристика блистательная, тонкая, умная, восхищающая. А есть еще то, что берет за душу не этим, не словесами, не изящной их постановкой...

P.S. Шамиль, друг Сади́га, написал на его странице: «Слушай, Сади́г. Я понял, почему ты подтягиваешься постоянно. Есть выражение: хочешь что-то изменить — начни с себя. Сейчас ты поднимаешь себя, чтобы потом поднять Россию».

Сади́г, у тебя хороший друг. Он все правильно понял.

Андрей АНТИПИН

Знаешь, война — совершенно не весело.
Был ты, к примеру, здоровый пацан.
Вдруг вместо глаза — кровавое месиво:
Нету теперь половины лица.

Кто-то взывает молитвенно — Отче наш,
Кто-то — к Аллаху, как вспыхнет заря:
Только бы это когда-нибудь кончилось,
Только бы это все было не зря...

30.08.2022 г.

* * *

Запаяна клетка, и мертвая птица
Внутри молчаливую песню поет —
О том, как мучительно воли лишиться,
О том, как мечтается снова в полет.

Пустыми глазами на небо сквозь прутья
С тоскою она продолжает смотреть.
А ей облака бы прорезывать грудью!
А ей хоть разок пересилить бы смерть.

Расправить бы крылья, свободы напиться,
Вспорхнуть в небеса, налетаться бы всласть...
Запаяна клетка. В ней — мертвая птица.
А мертвые больше не могут летать.

16.03.2023 г.

9 МАЯ

«— Летите, летите, родные мои,
И бейте их сотнями, бейте проклятых!
За нас не волнуйтесь, ведите бои,
Бомбите! Еще! Не жалейте снаряды!

С соседкой мы слушаем яростный гул
Советских моторов, которыми вспорот
Мучительный морок, а в нем потонул
Фашистским отродьем захваченный город...

Кипящая лава эмоций в груди:
Восторг, пожеланье успеха пилотам,
Тревога за мирных... и «номер один» —
До бешенства злоба к зенитным расчетам!

— Поймали! Мой миленький, родненький мой!»
Лучами прожектора немцы прильнули
К серебряной ласточке с красной звездой,
И к ней полетели зенитные пули...

«— Соколик мой, золотце, выше взлетай!
Наверх поднимайся, скорее, скорее!
О Господи, сжался, не нужен нам рай,
Ты лишь подними его, скрой от злодеев!..

Ушел мой касатик, ушел невредим...
Я слушаю эти молитвы и знаю,
Что мы непременно в войне победим...»
Они победили 9-го мая.

09.05.2020 г.

* * *

Соленый воздух, неба купол
Пронзает взрывчатый металл.
Вздыхает шумно Мариуполь,
Он так же, как и я, устал.

Встает светило на востоке,
Тела погибших осветив,
И крови алые потоки
Стекают в Керченский пролив.

Цветущие кварталы выжег
Осадок залповых огней.
Торчат осколки, словно грыжи,
Из позвончиков людей.

В могилах трупы. Черви жрут их.
Еще ракитник не порос.
А сколько горьких, сколько жутких
Над ними будет литься слез...

21.01.2023 г.

ПАМЯТИ ИГОРЯ ИВАНОВА И ДЕНИСА ОВСЯННИКОВА

«Воздух!» Быстрее бежать до укрытий.
«Воздух!» Команда, которая бьет.
«Воздух!» Которую мы ненавидим
Из-за осколков, секущих живот.

«Воздух!» Команда заставит нас даже
Двигать обрубками взорванных стоп.

«Воздух!» Команда наглядно покажет,
Как глубоко нами вырыт окоп.

Бум! И солдат окровавленный стонет.
Бум! И за миною мина летит.
Бум! И горит, и трясется Гостомель!
Ранен — трехсотый. Двухсотый — убит.

Дайте в ответ побомбить по уродам!
Координаты комбат указал.
Тут же приказ: «Расчехлить минометы!»
Следом — другой: «Приготовиться, залп!»

К бою расчет подрывается резко.
К бою! Наводчик наводит прицел...
Только б одну написать смску:
«Мама, я жив.
Я все еще цел».

10.04.2022 г.

* * *

Дождли восход просветы утра.
Дождливо с самого утра.
Я вспоминаю — как там Нура,
Моя любимая сестра?

Пробьется между облаками
Кусочек неба голубой.
И что бы ни случилось с нами,
Поверь, твой брат всегда с тобой.

12.11.2022 г.

* * *

Осень. Вечер. Небо. Звезды.
Запах дыма — выдох, вдох...
Я как будто — меньше ростом,
Я как будто бы оглох.

Ослеплен упавшей миной,
Мир — осколками в груди.
Я контужен Украиной,
И такой я — не один...

30.10.2022 г.

* * *

Видна из-под воротника,
Врезается тельняшка в горло.
Тугая лямка от АК
Полоску на броне натерла.

А где-то далеко сейчас,
Где дом родной, — не жизнь, а сказка...
На выступ ногу — и в КамАЗ,
С плитой от миномета, с каской,

На плечи закрепил портплед —
Внутри лежат четыре мины.
И выхода как будто нет —
В башке играет песня «Сплина».

Но выход — вот он, в пустоту
Из самолета смотрит люто.
Тяни за эту и за ту —
Как прыгнешь — стропы парашюта.

И приземлишься даже на
Замерзший полюс ты немедля.
И батарейный старшина
Вслед проорет: «За ВДВ, бля!»

10.02.2022 г.

* * *

Мой потрепанный бушлат,
Отогрей во время стужи.
Сухпаек, составь мне ужин,
Голодуха чтоб ушла.

Мой товарищ, верный друг,
Не покинь во время битвы.
Материнская молитва,
Укрепи десантный дух.

Пуля, не застрянь в боку.
Кость, не вывернись до хруста.
Мой металл — свинцовый сгусток,
Череп просверли врагу.

07.09.2022 г.

* * *

Кузов УРАЛа — набитый трамвай.
Путь — отбивающий почки, несносный.
В прорезях тента — сгоревшие сосны
Желтыми иглами машут: «Бывай».

Щепки летели — валил я сушняк,
В печку полешко — топилось бунгало.
Дерево выло, трещало, стонало.
Либо оно, либо я — было так.

Вовсе не женскими ласками пах
Трогала в стужу окопная сырость.
Комья земли с насекомыми сыпать
Не прекращали при танковых «бах!»

Вовсе не праздничный брызгал салют.
«Фосфорный дождь!» — доносилось из ракет.
Выл истерически дрон-камикадзе.
Сунешься, спрячешься — всяко убьют.

Были, кто мне бы сгодились в отцы,
Были и юные, нежные лица.
В госпиталь кто-то отправлен лечиться,
Кто-то — в Россию, положенный в цинк.

Мой обожаемый фрукт — апельсин.
Я — апельсин, только сморщенный, выжатый.
Долг перед Родиной выплачен! Где же ты,
Мой Чебурашка? Приди и спаси...

Враг наступает. Задача проста:
Сдерживать, с места на место кочуя...
Орден? Медаль? Ничего не хочу я.
Только прилечь и уснуть. Я устал.

18.09. 2023 г.